

100

СТИХОТВОРЕНИЙ, КОТОРЫЕ
РАСТРОГАЮТ САМЫХ
СУРОВЫХ МУЖЧИН

Александр Пушкин

**100 стихотворений,
которые растрогают самых
суровых мужчин (сборник)**

«ЭКСМО»

УДК 82-1
ББК 84(0)-5

Пушкин А. С.

100 стихотворений, которые растрогают самых суровых мужчин
(сборник) / А. С. Пушкин — «Эксмо»,

ISBN 978-5-04-004768-0

Что может растрогать суровых мужчин? Какие слова доберутся до самого сердца? Этот сборник стихотворений предлагают свою подборку таких произведений – от великих поэтов всех времен и народов.

УДК 82-1
ББК 84(0)-5

ISBN 978-5-04-004768-0

© Пушкин А. С.
© Эксмо

Содержание

Антон Дельвиг	6
Разочарование	6
«За что, за что ты отравила...»	7
Александр Пушкин	8
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	8
«Дар напрасный, дар случайный...»	9
Пророк	10
Няне	11
«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»	12
Евгений Баратынский	13
Русская песня	13
Разлука	15
Федор Тютчев	16
«Я очи знал, – о, эти очи!..»	16
«Ты долго ль будешь за туманом...»	17
«Не раз ты слышала признанье...»	18
Михаил Лермонтов	19
Сон	19
«Когда волнуется желтеющая нива...»	20
Молитва	21
Завещание	22
Афанасий Фет	23
«Не отходи от меня...»	23
Смерть	24
«Я тебе ничего не скажу...»	25
Николай Некрасов	26
Прощанье	26
Мать	27
Алексей Плещеев	28
«Нет! лучше гибель без возврата...»	28
«Ты помнишь: поникшие ивы...»	29
Иван Суриков	30
«Вот моя деревня...»	30
Иннокентий Анненский	33
«Я думал, что сердце из камня...»	33
Дети	34
Братские могилы	35
Семен Надсон	36
«Любовь – обман, и жизнь – мгновенье...»	36
«Как каторжник влачит оковы за собой...»	37
Жизнь	38
Федор Сологуб	39
«Вот минута прощальная...»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

100 стихотворений, которые растрогают самых суровых мужчин

© Новгородова М. И., 2016

© Пастернак Б. Л., наследники, 2016

© Видревич И., составление, комментарии, 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Антон Дельвиг
6 (17) августа 1798, Москва –14
(26) января 1831, Санкт-Петербург

Разочарование

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

К ней сны молодые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких слов не говорят.

Ее один удел печальный:
Года бесчувственно провести
И в край, для горестных не дальный,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенести.

1824

«За что, за что ты отравила...»

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»

И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.

Мне ль хладным быть к любви прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.

И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.

1829 или 1830

Александр Пушкин
26 мая (6 июня) 1799, Москва – 29 января
(10 февраля) 1837, Санкт-Петербург

«Я вас любил: любовь еще, быть может...»

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

1829

«Дар напрасный, дар случайный...»

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

1828

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

1826

Няне

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе.....

1826

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь – как раз – умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1834

Евгений Баратынский
19 февраля (2 марта) или 7 (19) марта 1800,
село Вяжля Кирсановского уезда Тамбовской
губернии –29 июня (11 июля) 1844, Неаполь

Русская песня

Страшно воеет, завывает
Ветр осенний;
По поднебесью далече
Тучи гонит.

На часах стоит печален
Юный ратник;
Он уносится за ними
Грустной думой.

«О, куда, куда вас, тучи,
Ветер гонит?
О, куда ведет судьбина
Горемыку?»

Тошно жить мне: мать родную
Я покинул!
Тошно жить мне: с милой сердцу
Я расстался!»
«Не грусти! – душа-девица
Мне сказала. –
За тебя молиться будет
Друг твой верный».

«Что в молитвах? я в чужбине
Дни скончаю.
Возвращусь ли? взор твой друга
Не признает.

Не видать в лицо мне счастья;
Жить на что мне?
Дай приют, земля сырая,
Расступися!»

Он поет; никто не слышит
Слов печальных...
Их разносит, заглушает

Ветер бурный.

1821

Разлука

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

1820

Федор Тютчев
23 ноября (5 декабря) 1803, Овстуг,
Брянский уезд, Орловская губерния –
15 (27) июля 1873, Царское Село

«Я очи знал, – о, эти очи!..»

Я очи знал, – о, эти очи!
Как я любил их – знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный,
И, как страданья, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

1852

«Ты долго ль будешь за туманом...»

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?

Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда –
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись – теперь иль никогда...

1866

«Не раз ты слышала признание...»

Не раз ты слышала признание:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она создание –
Но как я беден перед ней...

Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе –
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...

Когда, порой, так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колени
Пред колыбелью дорогой,

Где спит она – твоё рождение –
Твой безымянный херувим, –
Пойми ж и ты мое смирение
Пред сердцем любящим твоим.

1851

Михаил Лермонтов
3 октября (15 октября) 1814, Москва –
15 июля (27 июля) 1841, Пятигорск

Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня – но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

1841

«Когда волнуется желтеющая нива...»

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, –

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

1837

Молитва

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в мире безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную –
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

1837

Завещание

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был,
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

1840

Афанасий Фет
23 ноября (5 декабря) 1820, усадьба
Новоселки, Мценский уезд, Орловская
губерния – 21 ноября (3 декабря) 1892, Москва

«Не отходи от меня...»

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной!
Не отходи от меня:
Мне так отраднo с тобой...

Ближе друг к другу, чем мы, –
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильней
Мы не умеем любить.

Если же ты – предо мной,
Грустно головку склоня, –
Мне так отраднo с тобой:
Не отходи от меня!

1842

Смерть

«Я жить хочу! – кричит он, дерзновенный. –
Пускай обман! О, дайте мне обман!»
И в мыслях нет, что это лед мгновенный,
А там, под ним, – бездонный океан.

Бежать? Куда? Где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?
Что ни расцвет живой, что ни улыбка, –
Уже под ними торжествует смерть.

Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводырям;
Но если жизнь – базар крикливый Бога,
То только смерть – Его бессмертный храм.

1878

«Я тебе ничего не скажу...»

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рошу зайдет,
Раскрываются тихо листья,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную усталую грудь
Веет влагой ночной... Я дрожу.
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

1885

Николай Некрасов
28 ноября (10 декабря) 1821,
Немиров, Подольская губерния –
27 декабря 1877 (8 января 1878), Санкт-Петербург

Прощанье

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки
И думали: не будет муки
В последнем роковом «прости»,
Но даже плакать нету силы.
Пиши – прошу я одного...
Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы, –
С могилы сердца моего!

1856

Мать

Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее – тернового венка...

1868

Алексей Плещеев
22 ноября (4 декабря) 1825, Кострома –
26 сентября (8 октября) 1893, Париж

«Нет! лучше гибель без возврата...»

Нет! лучше гибель без возврата,
Чем мир постыдный с тьмой и злом,
Чем самому на гибель брата
Смотреть с злорадным торжеством.

Нет! лучше в темную могилу
Унести безвременно с собой
И сердца пыл, и духа силу,
И грез безумных, страстных рой,

Чем, все тупея и жирея,
Влачить бессмысленно свой век,
С смиреньем ложным фарисея
Твердя: «Бессилен человек»,

Чем променять на сон отрадный
И честный труд, и честный бой
И незаметно в тине смрадной,
В грязи увязнуть с головой!

1861

«Ты помнишь: поникшие ивы...»

Ты помнишь: поникшие ивы
Качались над спящим прудом;
Томимы тоской, молчаливы,
С тобой мы сидели вдвоем.

В открытые окна глядели
К нам звезды с высоких небес;
Вдали соловьиные трели
Поля оглашали и лес.

Ты помнишь – тебе я сказала:
Мы много любили с тобой,
Но светлых часов было мало
Дано нам суровой судьбой.

Узнали мы иго неволи,
Всю тяжесть житейских цепей,
Изныло в нас сердце от боли;
Но скрыли мы боль от людей.

В святилище наших страданий
Не дали вломиться толпе –
И молча, без слез и рыданий,
Мы шли по тернистой тропе.

Ты помнишь минуту разлуки?
О, кто из нас думал тогда,
Что сердца забудутся муки,
Что рану излечат года,

Что страсти былые тревоги,
Все бури поры прожитой
Мы, встретясь на новой дороге,
Помянем насмешкою злой!

1858

Иван Суриков
25 марта (6 апреля) 1841, д. Новоселово Углицкого
уезда, Юхтинской волости, Ярославской
губернии – 24 апреля (6 мая) 1880, Москва

«Вот моя деревня...»

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок – хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Все лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты пересябнешь, –
Руки не согнешь, –
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.

Ветхую шубенку
Скинешь с плеч долой;
Заберешься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо все кругом;

Только слышишь: воеет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетет;
Матушка за прялкой
Молча лен прядет.

Избу освещает
Огонек светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнет мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку –
Сердце так и мрет;
А в трубе сердито
Ветер злой поет.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич –
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветет;
В том саду большое
Дерево растет.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,

Весело поет,
Ярким, чудным светом
Сад весь обдает.

Вот я к ней подкрался
И за клетку – хватать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум-звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

1865

Иннокентий Анненский
20 августа (1 сентября) 1855, Омск –
30 ноября (13 декабря) 1909, Санкт-Петербург

«Я думал, что сердце из камня...»

Я думал, что сердце из камня,
Что пусто оно и мертво:
Пусть в сердце огонь языками
Походит – ему ничего.

И точно: мне было не больно,
А больно, так разве чуть-чуть.
И все-таки лучше довольно,
Задуй, пока можно задуть...

На сердце темно, как в могиле,
Я знал, что пожар я уйму...
Ну вот... и огонь потушили,
А я умираю в дыму.

Дети

Вы за мною? Я готов.
Нагрели, так ответим.
Нам – острог, но им – цветов...
Солнца, люди, нашим детям!

В детстве тоньше жизни нить,
Дни короче в эту пору...
Не спешите их бранить,
Но балуйте... без зазору.

Вы несчастны, если вам
Непонятен детский лепет,
Вызвать шепот – это срам,
Горший – в детях вызвать трепет.

Но безвинных детских слез
Не омыть и покаяньем,
Потому что в них Христос,
Весь, со всем Своим сияньем.

Ну, а те, что терпят боль,
У кого как нитки руки...
Люди! Братья! Не за то ль
И покой наш только в муке...

Братские могилы

Волны тяжки и свинцовы,
Кажет темным белый камень,
И кует земле оковы
Позабытый небом пламень.

Облака повисли с высей,
Помутнелы – ослабелы,
Точно кисти в кипарисе
Над могилой сизо-белы.

Воздух мягкий, но без силы,
Ели, мшистые каменя...
Это – братские могилы,
И полней уж нет забвенья.

1904

Семен Надсон
26 декабря 1862, Санкт-
Петербург –31 января 1887, Ялта

«Любовь – обман, и жизнь – мгновенье...»

Любовь – обман, и жизнь – мгновенье,
Жизнь – стон, раздавшийся, чтоб смолкнуть
навсегда!

К чему же я живу, к чему мои мученья,
И боль отчаянья, и жгучий яд стыда?
К чему ж, не веруя в любовь, я сам так жадно,
Так глупо жду ее всей страстною душой,
И так мне радостно, так больно и отрадno
И самому любить с надеждой и тоской?
О сердце глупое, когда ж ты перестанешь
Мечтать и отзыва молить?
О мысль суровая, когда же ты устанешь
Все отрицать и все губить?
Когда ж мелькнет для вас возможность
примиренья?
Я болен, я устал... Из незаживших ран
Сочится кровь и (нрзб) прокляты сомненья!
Я жить хочу, хочу любить, – и пусть любовь –
обман.

1882

Жизнь

Меня каждый миг свой образ прихотливый,
Капризна, как дитя, и призрачна, как дым,
Кипит повсюду жизнь в тревоге суетливой,
Великое смешав с ничтожным и смешным.
Какой нестройный гул и как пестра картина!
Здесь – поцелуй любви, а там – удар ножом;
Здесь нагло прозвенел бубенчик арлекина,
А там идет пророк, согбенный под крестом.
Где солнце – там и тень! Где слезы
и молитвы –
Там и голодный стон мятежной нищеты;
Вчера здесь был разгар кровопролитной битвы,
А завтра – расцветут душистые цветы.
Вот чудный перл в грязи, растоптанный
толпою,
А вот душистый плод, подточенный червем;
Сейчас ты был герой, гордящийся собою,
Теперь ты – бледный трус, подавленный
стыдом!
Вот жизнь, вот этот сфинкс! Закон ее –
мгновенье,
И нет среди людей такого мудреца,
Кто б мог сказать толпе – куда ее движенье,
Кто мог бы уловить черты ее лица.
То вся она – печаль, то вся она – приманка,
То все в ней – блеск и свет, то все –
позор и тьма;
Жизнь – это серафим и пьяная вакханка,
Жизнь – это океан и тесная тюрьма!

1886

Федор Сологуб
17 февраля (1 марта) 1863, Санкт-
Петербург – 5 декабря 1927, Ленинград

«Вот минута прощальная...»

Вот минута прощальная
До последнего дня...
Для того ли, печальная,
Ты любила меня?

Для того ли украдкою,
При холодной луне,
Ты походкою шаткою
Приходила ко мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.